

С. П. ТОЛСТОВ

ХОРЕЗМИЙСКАЯ ГЕНЕАЛОГИЯ САМУИЛА АБЫ

(Еще раз к вопросу о каварах-хорезмийцах)¹

I

Венгерский хронист XIII в. Simon de Keza (Kézai) в своей *Gesta Hungarorum*² приводит некоторые данные о родословной одного из правителей Венгрии середины XI в.— короля Самуила Абы (1041—1044).

После рассказа о гибели государства гуннов в результате легендарной «битвы Кримгильды» и бегства сына Аттилы Хабы (Chaba, по другим источникам Csaba) в «Скифию» «ad patris nationis ac cognatos» автор говорит: «Iste igitur Chaba filius Ethele est legitimus, ex filia Honorii Imperatoris Grecorum genitus, cui Edemen et Ed filii sui sunt uocati. Edemen autem, cum Hungari in Pannoniam secundario sunt reuersi, cum maxima familia patris sui et matris introiuit. nam Mater eius de Corosminis orta erat. Ed uero in Scitia remansit apud patrem. ex isto enim Chaba generacio Abe est egressa. cum igitur Chaba adiens in Scitiam nobilitate genetricis in communi se iactaret, Hunorum nobilitas ipsum contempnebat, asserentes eum non uerum esse alumpnum regni Scitie, sed quasi missitalium extere nacionis. Propter quod e Scitia uxorem non accepit, sed traduxit de gente Corosmina».

Сходный текст дает вообще близкий к Kézai другой венгерский хронист — Joh. Thwroc (Thuróczy)³, писавший значительно позднее (при короле Матвее Корвине, XV в.). Анонимный нотариус короля Белы (видимо, Белы IV, 1235—1270), писавший, по всей вероятности, во время, близкое ко времени написания хроники S. de Keza, дает нам интересные подробности относительно упоминаемых последним Еда и Едемена. По его свидетельству, когда венгры во главе с Альмошем (в IX в.) осаждают Киев, «dux de Kyeu missis legatis, septem duces Cumanorum, suos fidelissimos amicos in adiutorium postulauit. tunc hi septem duces, quorum nomina hec fuerunt: Ed, Edumen, Etu, Bunge, Ousad pater Ursuur. Boyta, Ketel pater Olumptulma, non modica multitudine equitum insimul coadunata, causa amicicie ducis de Kyeu, cellerimo cursu contra Almu ducem uenerunt»⁴.

После победы над русско-куманской коалицией и заключения мира семь упомянутых куманских вождей присоединяются к Альмошу и вместе с ним «cum uxoribus et filiis suis, nec non cum magna multitudine in Pannoniam uenire concesserunt»⁵. Далее, в подробном рассказе о завоевании мадьярами территории нынешней Венгрии, Аноним сообщает «tunc dux Arpad in silua Matra dedit terram magnam Edunes e

¹ Дополнение к статье автора «Новогодний праздник «каландас» у хорезмийских христиан XI века», «Советская этнография», 1946, № 2.

² S. de Keza, 4, ed. Endlicher, Sangalli, 1848, 100—101.

³ Joh. Thwroc, XXIII, ed. Schwandtner, Vindobonae, 1766, 95.

⁴ Анонимус, 8, ed. Endlicher 9.

⁵ Анонимус, 10, ed. Endlicher 12.

Edumer nec, ubi postea Pota nepos eorum castrum construxit, ex quorum eciam progenie longo post tempore rex Samuel descendit, qui pro sua pietate Aba uocabatur»⁶.

II

Анахронистические «куманы» Анонима давно привлекали к себе внимание исследователей. Многие из них, особенно скептически настроенные, хотели видеть в этом упоминании куманов (половцев, мадьярск. kúp, palócz), появившихся в южнорусских степях только в XI в. и тогда же, при Владиславе I, достигших Венгрии, только доказательство недостоверности данных Анонима, переносившего якобы в прошлое факты своего времени, когда, действительно, поселения половцев, принявших венгерское подданство и христианство, существовали «в горах Матра»⁷.

Что Аноним весьма анахронистичен — бесспорно, как и то, что он (не отличаясь в этом, впрочем, от других средневековых хронистов) нередко видоизменял исторические факты прошлого под влиянием современных ему фактов и событий. Однако родовые генеалогии аристократических фамилий хотя и являются, как известно, объектом весьма частых фальсификаций, все же не могли быть начисто выдуманы монахом XIII в., притом без всякой побудительной причины, ибо генеалогия Абы, как и сам он, была делом далекого прошлого и не представляла в XIII в. никакого политического интереса. Кроме того, в своем основном звене — генеалогической связи Самуила Абы с вождями IX в. Едом и Едеменом (Едуменом, Едумером) — сведения Анонима подтверждаются и Kézai, как известно независимым от Анонима и, в свою очередь, не исползовавшимся последним. У Анонима, явно благожелательно относящегося к Абе, вместе с тем не было никаких оснований писать о его невенгерском происхождении, если бы он не отправлялся от каких-то первоисточников. Характерно при этом, что, благожелательно характеризуя Абу, он не возводит, как Kézai, его род к Аттиле и дочери императора Гонория — несомненная древняя генеалогическая фальсификация источников других хронистов, созданная в книжной среде. Следовательно, источник Анонима вероятнее всего искать в народном генеалогическом предании и здесь-то уже, по законам развития устной традиции, предполагать замену куманами какого-то иного, союзного с венграми народа, вероятно носившего сходное с куманами имя. А если мы вспомним колебание источников в начертании имени Edumen ~ Edumer, то наиболее вероятными кандидатами на роль такого народа становятся кавары, действительные сильные союзники мадьяр в эпоху завоевания последними территории Венгрии. Эта теория была выдвинута E. Sayous, известным исследователем ранней истории Венгрии, рассматривавшим куманов Анонима и последующих хронистов как заместителей исторических каваров и видевшим в Самуиле Абе каварского вождя, выдвинувшегося на венгерский престол в период смут, последовавших за смертью Стефана Святого⁸.

III

Как известно, реформы Стефана и, в частности, усиленное насаждение им в Венгрии феодальных институтов по западному образцу и при деятельной помощи немцев и итальянцев, вызвали решительную оппозицию со стороны старой родоплеменной мадьярской аристократии, к

⁶ Apollonius, 32, ed. Endlicher 29.

⁷ P. Hunfalvy, Ethnographie von Ungarn, 237 и прим. 410 (стр. 420), а также 242 и прим. 422 (стр. 421).

⁸ E. Sayous, Les origines et l'époque païenne de l'histoire des Hongrois, Paris, 1874, pp. 24—26, 74, idem, Histoire générale des Hongrois, I, Paris, 1900, II, pp. 8, 28, 57, 25.

которой примкнули и оставшиеся в живых ближайшие родственники Стефана по мужской линии, в результате чего они были отстранены им от наследования и власть после смерти короля перешла в руки его племянника, сына его сестры Марии и венецианского дожа — Петра (Пьетро) Урсеоли (1038). Этот акт, сделавший фактическим диктатором страны представителя западного феодализма, итальянского принца, абсолютно чуждого традициям архаической военно-племенной венгерской государственности, имел своим следствием широкое развитие начатого Стефаном наводнения Венгрии выходцами с запада, главным образом итальянцами и немцами, быстро изменившего состав венгерской аристократии, мадьярский элемент которой оказался оттесненным на второй план. Это означало одновременно резкое усиление феодального гнета, быстрое усвоение западных методов эксплуатации и полный разрыв с патриархальными традициями, еще не окончательно уничтоженными реформами Стефана.

Все хроники характеризуют Петра как жестокого, недоступного народу тирана, при котором положение масс резко ухудшилось. Все это способствовало объединению против Петра в с е х основных элементов мадьярского общества, как недовольной немецко-итальянским засильем аристократии, так и жестоко страдавшего от усиления феодального гнета народа, еще совсем недавно бывшего свободными воинами, полноправными членами мадьярских племен.

Народное восстание, возглавленное частью старой племенной аристократии, привело к изгнанию Петра и выдвинуло к власти потомка «команских» (каварских) вождей Еда и Едумера, мужа сестры короля Стефана Самуила Абу, подчеркнутое всеми хрониками народолюбие которого бесспорно отражает его социальное лицо, как представителя традиционной патриархально-племенной и военно-рабовладельческой тенденции в развитии варварского мадьярского государства, круто повернутого Стефаном и, особенно, Петром на путь феодализма⁹. Реформы Абы, однако, затронули интересы значительной части мадьярской аристократии, уже слишком далеко шагнувшей по пути феодализации, результатом чего было низвержение короля-кавара при помощи немецкой интервенции и восстановление Петра (1044). Впрочем, через два года Петр был вновь и окончательно низвергнут еще более мощным народным движением, уже вырвавшимся из-под руководства племенных вождей, развивавшимся под лозунгами уничтожения христианства, истребления духовенства, изгнания иностранцев и восстановления древней религии и обычаев мадьяр и открывающим полосу народных антифеодальных и антихристианских движений, окончательно расправиться с которыми удалось только Владиславу Святому (1077—1095).

Роль Самуила Абы как руководителя антифеодальной и антикатолической партии весьма примечательна в связи с теми политическими и религиозными традициями, которые, как мы пытаемся доказать в нашей ретигированной выше работе, его предки кавары принесли в VIII в. из Хорезма в Хазарию, а затем — в Венгрию. Еще более характерно имя Самуил — еврейское имя, достаточно чуждое для христианского Запада, как, впрочем, и для Востока, не считая Болгарии, еврейские имена правителей которой не без основания связываются с хазарской традицией. Интересно, что внуки двоюродного брата Стефана Владислава, сыновья устраненного Стефаном от наследования Андрея, как и Аба на значительном этапе своей жизни связанного с антифеодальной и антикатолической оппозицией старой мадьярской знати, носят имена Соломон (Salomon) и Давид. Эти имена находят прямое объяснение в юдаистских традициях каварского правящего дома, тесно связанного с первыми

⁹ См. анализ тенденций развития раннемадьярского государства в нашей работе «Военная демократия и проблема «генетической революции» («Проблемы истории докапиталистического общества», 1935, № 7—8, стр. 211—212).

Арпадами узами взаимных браков, традициях, видимо, игравших немалую роль в антикатолических движениях XI в.

IV

Мы должны обратить внимание еще на одну сторону вопроса — на хронологию нашего основного источника.

В то время как Marcus и Thuróczy относят нашествие гуннов на Венгрию: первый к 473 г., второй к 373 г., Аноним к 451 г., т. е. к периоду, действительно совпадающему с временем подъема гуннского государства в Восточной и Средней Европе, Kézai относит это нашествие к 700 г. — дата явно несообразная, но вместе с тем небезинтересная в связи с историко-генеалогической концепцией Kézai, — наш автор укладывает между «первым» и «вторым» (мадьярским) завоеванием, относимым им к 872 г., три-четыре поколения: первый вождь Када из рода Турда¹⁰, затем Аттила (Ethel) из рода Erd, затем его сын, уже знакомый нам Хаба, и, наконец, сыновья Хабы, «кумано»-каварские вожди — Ед и Едумер (Едемен), участники завоевания Венгрии мадьярами в IX в. Хотя 172 года и многовато для четырех или даже трех (Ethel выступает как участник движения гуннов с самого начала) поколений, но все же здесь есть что-то по меньшей мере правдоподобное. Перед автором явно стояла задача увязать какие-то две, первоначально, видимо, совершенно не связанные генеалогии: род Аттилы и род Аба — правящий род каварских князей, возводящийся к некоему Хабе, «женатому на хорезмийке» и отделенному одним поколением от времени завоевательного движения мадьяр в Паннонию.

Наиболее вероятным решением этой контрверзы нам представляется предположение, что народная легенда (как это и имеет место у Анонима) никак не связывает Еда и Едумера с Аттилой и что Хаба, у Kézai — сын Аттилы, первоначально не имел с последним ничего общего. Автор, видимо, связал в единое целое два источника: книжное, восходящее в основном к германской литературной традиции, предание об Аттиле и народное каварское сказание об изгнании каваров из Хорезма, имевшее место в 712 г., или, еще вероятнее, из Хазарии — конец VIII в., т. е. как раз в пределах хронологического отрезка, отводимого Kézai для событий, приурочиваемых им к истории возникновения и падения гуннской державы. Хаба, герой каварского сказания, видимо сам хорезмиец, сделан Kézai, для увязки со вторым источником, мужем хорезмийской матери Еда и Едумера; второй из них приходит в Паннонию «cum maxima familia patris suis et matris...», которая «de Corosiminfis orta erat», т. е. во главе каваров-хорезмийцев.

* * *

Устанавливаемая таким образом восходящая к VIII в. традиция о хорезмийском происхождении династии каварских вождей X—XI столетий, выдвинувших на венгерский престол короля Самуила Абу, возглавившего антикатолическое движение и носившего имя, с несомненностью говорящее о юдаистской традиции, — является новым важным аргументом для обоснования нашей теории о каварах-халисиях как о потомках хорезмийских иудействующих эмигрантов, в конце VIII в. изгнанных из Хазарии и присоединившихся к венгерским племенам в период их движения в Паннонию.

¹⁰ Несомненная реминисценция предания о гуннах-кидаритах, находящаяся, как и генеалогия каваров, в противоречии с положенной в основу книжной версии сказания об Аттиле.